

УДК 296.4 : 316.46

МОСКАЛЕНКО ЛАРИСА,

кандидат философских наук, руководитель

Международного центра неформального образования, г. Киев

ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА РАВВИНА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX - НАЧ. XX вв.

(В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ БАЗЫ)*

В статье показана эволюция общественно-правового статуса раввина в контексте формирования государственной политики в отношении евреев. В диахроническом разрезе проанализирована нормативно-правовая база, "верставшаяся" под государственный курс в национальном вопросе, в вопросе вероисповедной политики и, в частности, в "еврейском вопросе". Предложена периодизация законодательной базы, касающейся правового статуса раввина (в т.ч. духовного) в контексте способа его избрания/назначения, должностных функций и обязательств перед общиной и государством. На примерах показывается, что общинный авторитет раввина царское правительство рассматривало иногда как конструктивный для государственной политики в "еврейском вопросе", а в некоторые периоды - как деструктивный.

Ключевые слова: государственно-конфессиональная политика; ортодоксальный лагерь; иешивы; хедеры; раввин; сионизм.

Постановка проблемы. В течение XIX ст. еврейские общинные институты в Российской империи были подвержены трансформациям, затронувшим их вековые социально-культурные традиции. Среди основных факторов, повлекших радикальное изменение традиционного облика еврейской общины, выделяется процесс секуляризации, урбанизации, появление новых социальных и идеологических движений, развитие капиталистических отношений. Также следует отметить формирование государственной политики, направленной на разрушение еврейской замкнутости, а вместе с ней и традиционных общинных институтов, основанных главным образом, на религиозных традициях. Эти процессы затронули и повлекли за собой радикальные изменения в деятельности раввина и, соответственно, изменение его общественно-правового статуса.

Анализ исследований и публикаций. Большинство исследований, затрагивающих тему изменения роли раввина в еврейской общине в очерченный нами период, можно условно разделить на две группы. К первой группе отнесем исследователей (И. Барталь [1], А. Миндлин [6], М. Долбилов [3], Б. Натанс [8]), которые рассматривают изменения роли института раввина в контексте трансформаций всех общинных институтов, происходящих на фоне распространения Гаскалы, социально-экономических изменений, а также правительственной политики, направленной на ассимиляцию еврейского населения. Особое внимание уделено идее просвещения, которая использовалась правительством как инструмент для разрушения традиционных общинных институтов, в том числе и религиозных.

Ко второй группе отнесем исследователей (И. Лурье [18], В. Левин [19]), чьи работы сфокусированы на анализе деятельности ортодоксального лагеря, сформированного как реакция на разнообразные факторы

и явления как в еврейской, так и нееврейской среде. Среди основных задач ортодоксального лагеря было сохранение традиционного облика еврейской общины, реанимация института раввина. Важные вопросы в контексте анализа деятельности ортодоксального лагеря, которые выделяются и анализируются исследователями этой группы - это характер взаимодействия ортодоксального лагеря с правительственными органами, анализ проблемы двойного раввина и борьба ортодоксов за сохранение и функционирование хедеров.

На фоне детального исследовательского анализа внешних и внутренних факторов, способствовавших трансформациям традиционных еврейских общинных институтов, в том числе и религиозных, недостаточно внимания уделяется анализу нормативно-правовой базы, направленной на регулирование деятельности раввина. Это позволит выделить основные вехи в формировании государственной политики относительно определения роли раввина.

Целью нашего исследования является анализ нормативно-правовой базы, касающейся общественно-правового статуса раввина в контексте формирования государственно-конфессиональной политики.

Изложение основного материала. Исходя из поставленной цели, мы выделяем три фактора, внесших изменения в жизнедеятельность общинных институтов, а также повлиявших на формирование общественно-правового статуса раввина. Это *правительственная политика*, направленная на создание законодательной базы, регулирующей деятельность раввина; *деятельность ортодоксального лагеря*, направленная на формирование идеологической платформы и ее защиту; и *внешний фактор*, который характеризуется объективными общественно-экономическими процессами, изменившими облик традиционной еврейской общины.

* Архивные материалы для статьи собраны благодаря программе Центра "Сэфер" по поддержке исследований в области иудаики

Правительственная политика по отношению к институту раввина характеризуется созданием регулирующей его деятельность нормативно-правовой базы и являющейся частью государственного курса, направленного на разрушение замкнутости еврейской общины. Анализ законодательной базы позволяет нам выделить три периода, в разной степени повлиявших на формирование общественно-правового статуса раввина. Предлагаемая периодизация достаточно условна, основным ее критерием является политика правительства, которая отражена в законах, и фактические изменения в функционировании института раввина.

Первый период ограничивается 1804-1825 годами. "Положением о евреях" 1804 года впервые на законодательном уровне регламентировалась деятельность раввина - религиозного лидера иноверного племени, непонятного для российского чиновника. За евреями было сохранено вековое право выбора раввинов, но последние должны были впредь утверждаться губернской властью. Здесь стоит вспомнить, что процедура выбора раввина была сложной, обходилась дорого и ключевая роль была отведена кагалу, который, приглашая раввина в общину, проводил "собеседование" и принимал окончательное решение о его кандидатуре [17, с. 274]. Необходимость формального согласования кандидатуры раввина с местными властями говорит о желании правительства снизить общинный авторитет кагала, его функции. Как указывает Исраэль Берталь, можно рассматривать это "Положение" как первую попытку правительства нормативно ограничить сферу влияния раввинов в общине, сократив их влияние "увещанием и убеждением, запретив налагать всякое другое наказание". Положение также регулировало финансовые отношения раввина с общиной. "Поелику раввинство есть должность почетная, а не доход", то раввин не вправе требовать за совершение обрядов какого-либо вознаграждения, кроме жалованья от общества [1].

"Положение" стало первым юридическим документом, выдвигающим к должности раввина определенные требования со стороны государства, в частности, образовательный ценз. В соответствии с "Положением", раввин был обязан знать один из трех языков - немецкий, русский или польский (на практике, впрочем, это требование фактически не соблюдалось). Важно упомянуть, что правительством было принято во внимание противостояние между хасидами и раввинистическим (или "литовским") направлением, что нашло отражение в "Положении". Хасидам было предоставлено право открывать свои синагоги и выбирать своих раввинов. В 1826 году на раввинов было возложено ведение метрических записей - обязанность, которую в христианских вероисповедных сообществах выполняло духовенство.

Появление нормативно-правовой базы по еврейскому вопросу тесно связано с деятельностью специальных государственных инстанций, нередко образовывавшихся *ad hoc*. Поэтому формированию положений, законов и норм о евреях предшествовала работа специально учрежденных комитетов и комиссий по еврейским вопросам, члены которых уделяли особое внимание именно преобразованиям в религиозной жизни евреев. С внедрением нормативно-правовой базы в жизнь русских евреев, а также других инославных и иноверных общин, возникла необходимость в деятельности специального государственного органа, выполняющего контрольно-регулирующую функцию в сфере религии национальных меньшинств. Для этого в 1832 году был создан департамент духовных дел ино-

странных исповеданий, в обязанности которого входил также контроль религиозной деятельности еврейской общины. Нормативно-правовыми актами департамент духовных дел иностранных исповеданий особенно тщательно регламентировал порядок связей и сношений организационных структур "иностранных" исповеданий с самим департаментом, МВД, местными светскими властями, а также зарубежными центрами конфессий, если таковые имелись [5, с. 77]. Однако главной функцией департамента все же оставалась контрольно-управленческая, то есть контроль соблюдения норм и законов, регулирующих внутреннюю жизнь конфессий, своевременное реагирование на те или иные явления в конфессиональной среде.

Однако, в целом, формирование нормативно-правовой базы по отношению к раввину существенно не изменило его общественно-правовой статус в общине. Еврейские общины продолжали выбирать раввинов, игнорируя навязанные государством образовательные требования. Как указывает тот же И. Берталь, это связано с формальным подходом департамента духовных дел к своим обязанностям, поскольку этот период (правления Александра I) - пример либеральной реформы в теории, не оказавшей какого-либо влияния на практике [1, с. 123].

Наиболее активным в формировании нормативно-правовой базы по отношению к деятельности раввина является **второй период**, который мы обозначаем 1826-1881 годами. Законы, принятые в этот период, можно систематизировать в два блока. К первому отнесем законы, в основе которых находилась идея просвещения. Среди них "Временные правила" 1844 года об учреждении раввинских училищ (под эгидой министра народного просвещения С. С. Уварова), а в 1850 году - правила о выдаче раввинских свидетельств. В 1855 году изданы правила об ограничениях определения в раввины, в 1857 - о порядке избрания раввинов. Этим блоком законов правительством было выработано основное требование к раввинам - обязательный образовательный ценз (окончание раввинских училищ). Ко второму блоку отнесем законы, которые регламентировали деятельность раввинов как составляющего элемента государственной структуры. Во-первых, это закон 1848 года об учреждении состоящей при Министерстве внутренних дел раввинской комиссии - в целях централизации управления духовными делами евреев был учрежден именно такой непостоянный (что снижало его статус) орган. В ее полномочия входило обсуждение вопросов, связанных с еврейским религиозным законом, перечень которых определялся самим министерством.

Во-вторых, закон 1856 года о порядке назначения по одному "ученому еврею" (при начальниках губерний Черниговской, Полтавской, Витебской, Могилевской и Минской). Институт "ученых евреев" был создан в 1850 году при генерал-губернаторах "для исполнения поручений по предметам, требующим особого знания всех правил и обрядов еврейского закона" [8, с. 676]. В целом, деятельность ученых евреев можно свести к двум основным направлениям: ослаблению фанатизма, происходящего от превратных толкований галахической литературы и обозрению синагог, молитвенных школ и всех существующих при них благотворительных заведений и обществ, и самих правлений [11, с. 12]. Впоследствии, одной из основных функций "ученых евреев" стало оказание помощи министерству в управлении еврейскими учительскими институтами и иными еврейскими учебными заведениями, а также контроль над ними [Там же, с. 34]. Законом 1856 года

вводились четкие требования к должности - наличие высшего или среднего образования.

Последующие законы 1857 года: об определении еще двух членов в раввинскую комиссию; о порядке избрания раввинов; о подсудности раввина в случае преступления и проступков стали, на наш взгляд, реакцией нормативнообразующих органов на доклад графа Киселева, в котором он обращает внимание на предметы, препятствующие слиянию евреев с коренными жителями. Вследствие этого Министерством внутренних дел на Раввинскую комиссию была возложена обязанность пересмотреть все действующие постановления "о делах еврейской веры, для соглашения с общими видами слияния евреев с коренным населением Империи и для ослабления их религиозного заблуждения" [9, с. 4].

Здесь следует вспомнить, что главной целью "реформирования" было разрушение "еврейской общинной замкнутости", основанной на исторических, культурных и, главным образом, религиозных традициях. Правительство понимало, что раввин оставался в еврейской среде достаточно авторитетным лицом, и в контексте государственной политики по отношению к еврейскому населению можно было попытаться использовать его как инструмент влияния на еврейскую массу. В то же время активное противостояние раввинов старой закалки в вопросах "просвещения" позволило правительству сделать вывод, что они не поддержат политику русификации и просвещения еврейского населения, а потому не станут поддерживать и другие правительственные реформы.

Вероятно, именно применительно к этому периоду мы можем говорить о планах правительства создать в лице раввинов новый формат еврейского чиновника, "взращенного" в стенах подконтрольного Министерству просвещения и губернским властям раввинского училища: "Должность раввина в наше время немаловажна. Он не только должен удерживать людей от суеверия и страстей, но и стараться о приведении их на путь добродетелей, к улучшению их гражданской жизни и бодрствовать о воспитании юношества; водворять в сердцах юных склонность к труду, любовь к отечеству и исполнению гражданских обязанностей. Все это зависит от Раввина" [11]. Новых раввинов правительство планировало использовать как ресурс влияния на общину. Эта идея отражена и проведена в положении 1857 года. Так, в обязанности раввина входило "направлять евреев к повиновению общим государственным законам, установленных властями". Раввину предписывалось уведомлять паству о государственных праздниках, днях рождения государей и членов их семей, произносить молитву за их здоровье. В соответствии с законом 1857 года раввин становился лицом, подконтрольным губернскому началству. Именно губернский чиновник выдавал ему государственное свидетельство на занятие должности раввина, устанавливал его в звании, утверждал договор, который община заключала с раввином [8].

Очевидно, что сформировав определенную законодательную базу в отношении деятельности раввина, с указанным выше образовательным цензом, а также определив государственные органы, среди которых - департамент духовных дел и губернские власти, имеющие контрольно-регулирующие функции, царское правительство начало рассматривать раввина как инструмент влияния на еврейское население в целях реализации государственной политики по "очищению иудаизма".

Деятельность по созданию новой генерации выпуск-

ников раввинских училищ, однако, вместо желаемого результата привела к обратному - появлению так называемого двойного раввината. Главной причиной этого явления было отсутствие у выпускников раввинских училищ, становившихся общественными (или, как их называли, казенными) раввинами, необходимых талмудических знаний, к тому же, их казенный статус с очерченными функциями - ответственностью за ведение учетных записей и за проведение еврейских ритуалов (обрезания, свадеб, разводов и похорон) - не способствовал повышению их авторитета среди еврейского населения, от финансовой поддержки которого зависел раввин.

В то же время должность казенного раввина гарантировала определенный уровень материального достатка. Раввины, исправно исполнявшие свои обязанности три года, освобождались от телесных наказаний, рекрутской повинности и в местах "черты постоянной еврейской оседлости" пользовались правами купцов первой гильдии. За безупречную десятилетнюю работу раввины награждались золотыми медалями [Там же].

В результате в большинстве общин сложилась следующая ситуация: члены общины в сложных галахических и житейских вопросах продолжали обращаться к прежним, духовным раввинам. У последних не было таких широких полномочий, как у казенного раввина, из-за отсутствия государственного образования, но имелся авторитет в общине как независимых и уважаемых знатоков еврейской традиции. Таким образом, определение статуса раввина в общине и в государстве затруднялось тем, что духовный раввин, реально выполнявший многие функции традиционного общинного раввина, не имел на это никакого официального разрешения, а казенный, имевший все полномочия, не имел должного авторитета. При этом оба раввина избирались членами общины.

Такое безмолвное противостояние казенного и духовного раввина отразилось на простом обывателе. В частности, удачной иллюстрацией является пример с разводами. Как точно заметил исследователь Шай Ран Фриз, институт семьи стал ареной конфликта конкурирующих интересов с непрекращающимися дискуссиями о правах, социальных ролях и обязанностях [16, с. 243]. Драматичность ситуации заключается в том, что с 1853 года в соответствии с законом "о еврейских метрических книгах" действительными признавались те браки и разводы, которые были совершены в присутствии раввина или его помощника. Эту ситуацию использовали недобросовестные мужья, которые могли безнаказанно покинуть жену без выдачи ей требуемого еврейским законом подтверждения развода, аннулировав брак, заключенный в присутствии духовного раввина, как недействительный [Там же, с. 244].

Со стороны правительства предпринималось несколько попыток "реанимировать" статус казенного раввина. В Министерстве внутренних дел при участии членов Раввинской комиссии третьего созыва (1861-1862 гг.) активно обсуждался проект реформы об уездных раввинах. Разработке проекта об уездных раввинах предшествовал доклад Киселева, в котором он среди прочих причин, "тормозящих" процесс слияния евреев с коренными жителями, выделял отсутствие у евреев, в отличие от других вероисповеданий, Духовного правления, имеющего контрольно-надзорную функцию в делах веры [13, с. 76]. В первоначальной версии проекта органами правительства предусматривалась деятельность уездных раввинов с целью "введения в духовно-административные дела евреев порядка и ответственности, для содействия к распространению

между евреями образования, к искоренению в среде их предрассудков и фанатизма и к сближению их с господствующим населением" [12]. В проекте предполагалось вместо института окружного раввината, который по замыслу середины 1830-х годов должен был сосредоточить духовный авторитет в своем лице, ввести выборный уездный раввинат с выборным уездным управлением. Уездному раввину подчинялись все местные раввины, толкователи Галахи и все лица, причастные к практикам и ритуалам иудаизма, - однако подчинялись лишь в той мере, в какой их специальная деятельность затрагивала обряды, "имеющие гражданское значение" и регистрируемые в метрических книгах [2, с. 140]. Таким образом, авторами проекта преследовались следующие две цели: во-первых, избавить казенных раввинов от непосильной для них роли знатоков Галахи; во-вторых, оставить в их ведении духовно-административные функции, которые требовали специальной подготовки в раввинских училищах, тем самым оправдывая существование последних. Однако дальнейшее обсуждение и поправки к этому проекту полностью его видоизменили, поменяв первоначальную цель.

С середины шестидесятых годов XIX века в общественных кругах активно обсуждалась идея трансформации раввинских училищ по образцу христианских духовных семинарий. Интересно, что авторами этой идеи, которая так и не вышла за рамки "проекта", как впрочем, и идея об уездном раввине, выступали не только чиновники, но и маскилы - просвещенные представители еврейства.

Третий период в формировании нормативной базы обозначим 1881-1917 годами. Главным отличием данного периода является признание правительственными органами несостоятельности намерений поставить раввина на службу государственному интересам. В целом это было связано в первую очередь с отсутствием авторитета у выпускников раввинских училищ, а так же их зависимостью (главным образом финансовой) от общины. В 1881 году были учреждены губернские комиссии. Среди рассматриваемых ими вопросов была и религиозная жизнь еврейского населения. Комиссиями был поставлен вопрос о целесообразности функционирования раввина как представителя государственных структур в еврейской общине. Отмечалось, что предоставленные раввину полномочия не были реализованы для поддержания государственной политики, направленной на разрушение общинной замкнутости. В частности уточнялось, что обязанность ведения метрических книг, вверенная раввину, выполнялась небрежно [15, с. 127]. Результатом стала рекомендация Виленской комиссии изъять данную функцию из обязанностей раввина. Также описывалось состояние находящихся под руководством раввина религиозных воспитательных учреждений, деятельность которых не способствовала достижению правительственных целей просвещения и русификации по отношению к еврейскому населению, а потому рекомендовалось все религиозное образование, кроме иешивот, запретить [Там же, с. 128].

Отметим, что вопрос о небрежном ведении метрических книг поднимался с завидной регулярностью как правительственными органами, так и еврейскими организациями. Так, в журнале комитета об устройстве евреев от 1853 года сделана следующая запись, объясняющая такое положение дел: "...Неустройство в ведении еврейских метрических книг происходит, во-первых, от того, что утвержденные губернским начальством раввины не всегда и не везде совершают сами обряды веры, но вместо них занимаются этим особые лица,

известные под названием духовные раввины, которые не утверждены Правительством, но пользующиеся доверием общества. Во-вторых, от того что еврейским обществам предоставлено право избирать неопределенное число Помощников без утверждения начальства, и, следовательно, без всякой ответственности. В-третьих, во многих обществах одному раввину невозможно исполнить все возложенные на него обязанности" [14].

Утвержденная же в 1883 году комиссия по пересмотру действующих законов, касающихся евреев, после огромной проделанной работы по изучению законодательства и быта еврейского населения высказалась за сохранение должности раввина, которую утверждали бы власти.

В 1893 году Раввинская комиссия в результате обращения большого количества ортодоксальных евреев сделала попытку легализовать статус духовного раввина. Было подготовлено разъяснение к деятельности духовного раввина, в котором очерчен круг вопросов, состоящих в его компетенции, как-то: толкование еврейского закона, объяснение правил проведения праздников и постов, разрешения споров. В отличие от должности казенного раввина, требующей образовательного ценза, главными критериями духовного раввина обозначены "мудрость в религиозном законе, кротость, богобоязненность и нравственный образ жизни" [12, с. 23]. Комиссией упоминалось, что нет общепринятых правил выборов духовного раввина. Традиционно, жители города или местечка, или особой молитвенной общины, желающие иметь такого раввина, приглашали достойных людей в это звание, как правило, из числа имевших смиху. С избранными раввинами заключался письменный договор, в котором определялся срок его работы и другие условия. (Однако на практике духовные раввины чаще всего финансовое вознаграждение получали за исполнение своей обязанности по добровольному соглашению) [Там же, с. 36]. По сути, этим документом признавался авторитет духовных раввинов в галахических вопросах и легализовалась их религиозная деятельность в общине. Однако идея этого документа так и не перешла в плоскость юридической компетенции.

8 июня 1901 года Государственный совет утвердил новый порядок выборов раввинов и их помощников. В соответствии с этим порядком выборы проводились не непосредственно членами религиозной общины, а через уполномоченных общиной. Уполномоченных выбирали среди лиц, имевших право принимать участие в выборах [6, с. 211].

Таким образом, одним из факторов, под воздействием которого происходило формирование государственно-конфессиональной политики и утверждение общественно-правового статуса раввина, является создание регламентирующей деятельность раввина нормативно-правовой базы и специальных государственных органов, выполнявших контрольно-регулирующие функции в организации религиозной жизни еврейского населения.

Не менее важным обстоятельством, повлиявшим на формирование общественно-правового статуса раввина, является непосредственная деятельность представителей ортодоксального лагеря и формирование его идеологической концепции. Главной целью традиционалистов становится консолидация консервативного еврейства вокруг традиционных идей иудаизма, обсуждение причин, "разрушающих" облик русских евреев (Гаскала, сионизм, секуляризация, революция), и способов, которые могли бы остановить этот разруши-

тельный процесс. Со стороны властей отношение к ортодоксальным кругам русского еврейства было неоднозначным. Так, с одной стороны правительство рассматривало ортодоксов как религиозных лидеров, осведомленных в букве и обряде еврейской веры, однако в большинстве случаев невежественных в других отраслях и к тому же не склонных к поддержке правительственной политики, направленной на ассимиляцию еврейского населения. С другой стороны, исходя из политических соображений, правительство признавало, что ортодоксальная часть еврейства наименее склонна поддерживать "революционное брожение в среде евреев, обязуясь воспитывать в подрастающем поколении верноподданнические чувства". Возможно, именно поэтому государственные органы в первой декаде XX века не препятствовали работе раввинских съездов и участию в них не только казенных раввинов, но и духовных.

Важнейшим вопросом в повестке дня этих съездов был вопрос о характере еврейского представительства перед органами центральной власти, о раввинате и его полномочиях и о статусе еврейского конфессионального образования. После издания императорского указа об основах веротерпимости 17 апреля 1905 года еврейские представители в соответствии с духом указа просили для общины права избирать раввинов по своему усмотрению без всяких ограничений с последующим их утверждением правительственной властью. В раввины предлагалось выбирать только духовных лиц, умеющих писать и читать по-русски, но без общеобразовательного ценза. Для ведения метрических книг предлагалось выделять особое лицо с присвоением тому звания регистратора. Также предлагалось открыть за счет еврейских общин независимый раввинский институт и возможность для раввинов иметь свою печать. Эти предложения реализованы не были.

Оценка деятельности ортодоксального лагеря неоднозначна. С одной стороны, его представители смогли сформировать отражающую их интересы идеологическую платформу, вокруг которой консолидировались определенные круги русского еврейства. Их активная реакция на появление законопроектных, связанных с религиозной жизнью общины, а также обращение к правительству с аргументированным отстаиванием традиционных религиозных институтов, в результате которой правительство шло на значительные уступки, свидетельствовало о достижении определенных целей в деятельности ортодоксальных кругов. С другой стороны, одна из основных задач - сотрудничество и поддержка правительственных структур в "реанимации" института религии - так и не была достигнута.

Вероятно, главными причинами процессов трансформации как института религии в целом, так и общественно-правового статуса раввина в Российской империи конца XIX - начала XX века:

Выводы

В результате исследования общественно-правового статуса раввина в Российской империи конца XIX - начала XX века:

1. Выделено три основных фактора, повлиявших на радикальное изменение общественно-правового статуса раввина. Это правительственная политика, формирование ортодоксального лагеря и соответствующей идеологической платформы, а также объективные при-

чины, которые изменили роль института религии в жизни евреев.

2. Показано, что процесс оформления общественно-правового статуса раввина являлся двусторонним. С одной стороны, в нем принимают участие государственные структуры, формирующие нормативно-правовую базу, ориентированную на государственный курс, и специальные органы с контрольно-регулирующими функциями. С другой стороны, это непосредственно деятельность раввина, как религиозная, так и общественная, ориентированная на потребности еврейского населения;

3. Выделено два вектора требований правительства к должности раввина. Первый - это идея просвещения, которая формирует главное требование царского правительства к раввину - образовательный ценз. Второй - это регламентация деятельности раввина, как подконтрольного лица, связанного с государственными органами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bartal I. The Jews of Eastern Europe, 1772-1881 / Israel Bartal. - University Of Pennsylvania Press, 2005. - 216 p. doi: 10.9783/9780812200812
2. Высочайше утвержденное 9 декабря 1804 года Положение. Об устройстве Евреев [Электронный ресурс]. - Режим доступа : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/_UstrEvrei.php.
3. Долбилов М. Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II / М. Д. Долбилов. - М. : Новое литературное обозрение, 2010. - 1000 с.
4. Лукьянов С. А. Роль Департамента Духовных дел Иностранных Исповеданий МВД Российской Империи в реализации государственной вероисповедной политики (1832-1917) / С. А. Лукьянов. - М. : Спутник, 2009. - 356 с.
5. Миллер А. Империя Романовых и национализм / А. Миллер. - М. : Новое литературное обозрение, 2006. - 241 с.
6. Миндлин А. Император Александр II и еврейский вопрос [Электронный ресурс] / А. Миндлин. - Режим доступа : <http://aminclin.narod.ru/alexII.htm>.
7. Морозова А. В. Еврейське населення Лівобережної України в другій половині XIX - на початку XX ст. / А. В. Морозова. - К., 2009. - 300 с.
8. Натанс Б. За чертой: евреи встречаются с поздней имперской Россией / Бенджамин Натанс. - М. : РОСПЭН, 2002. - 247 с.
9. Об устройстве местного управления делами веры евреев. - СПб. : Департамент Духовных Дел Иностранных Исповеданий, 1863. - 22 с.
10. Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев (1649-1873) / [составил и издал В. О. Леванда]. - СПб., 1874. - 1185 с.
11. Российский государственный исторический архив (далее - РГИА), Ф. 821, оп. 8, Дело № 107 ч. 1/130. Дело об учреждении при начальниках некоторых губерний должностей ученых евреев, определении круга их обязанностей, назначения равных лиц на эту должность и доставления Департаменту сведений о выполненных ими поручений, 1856 г.
12. РГИА, Ф. 821, оп. 9, Дело № 22/131 Дело о выяснении обязанностей духовного раввина и порядке его избрания молитвенным обществом, 1893-1894 гг.
13. Российский государственный исторический фонд (далее - РГИФ), Ф. 1269, оп. 1. Журнал еврейского комитета. Дело № 136, Журналы и доклады за 1854-1857 г.
14. РГИФ, Ф. 1269, оп. 1. Журнал еврейского комитета. Дело № 43 О еврейских метрических книгах, 1853 г.
15. Труды губернских комиссий по еврейскому вопросу // Труды Виленской комиссии. Ч. 1. - СПб. : В Государственной типографии, 1884. - 664 с.
16. Шай Ран Фриз. Еврейская семья в России / Шай Ран Фриз // История еврейского народа в России. От разделов

Польша до падения Российской империи / [под ред. И. Лурье]. Т. 2. - М. : Мосты культуры. - Гешарим, 2012. - 534 с.

17. Штампфер Ш. Семья, школа и раввины у евреев Восточной Европы / Ш. Штампфер ; [пер. с англ. В. Герасимовой, В. Нехотина и др.]. - М. : Мосты культуры. - Гешарим, 2014. - 320 с.

18. История еврейского народа в России. От разделов Польши до падения Российской империи / [под ред. И. Лурье]. Том 2. - М. : Мосты культуры/Гешарим, 2012. - 534 с.

19. Levin V. From Revolution to War: Jewish Politics in Russia, 1907-1914 / Vladimir Levin. - Jerusalem : Zalman Shazar Center for Jewish History, 2016. - 478 p.

Москаленко Лариса,

кандидат філософських наук, керівник Міжнародного центру неформальної освіти, м. Київ

ЕВОЛЮЦІЯ СУСПІЛЬНО-ПРАВОВОГО СТАТУСУ РАБИНА В РОСІЙСЬКІЙ ІМПЕРІЇ У ХІХ - НА ПОЧ. ХХ ст. (У КОНТЕКСТІ ФОРМУВАННЯ ЗАКОНОДАВЧОЇ БАЗИ)

Автор статті робить спробу проаналізувати зміни, які відбулися в суспільно-правовому статусі рабина Російській імперії початку ХІХ - першої половини ХХ століття. Автор фокусує свою увагу на аналізі урядової політики в контексті формування нормативно-правової бази, спрямованої на регулювання діяльності рабина.

Ключові слова: державно-конфесійна політика; ортодоксальний табір; єшиви; хедери; равин; сіонізм.

Moskalenko Larysa,

candidate of philosophical sciences, director of the International Center for non-formal education, Kiev

CHANGES IN PUBLIC AND LEGAL STATUS OF THE RABBI IN THE RUSSIAN EMPIRE (XIX-XX c.)

The article makes an attempt to analyze the evolution of the social and legal status of the rabbi in the context of state policy formation towards the Jews. In the diachronic section we analyzed the legal framework which had been "aligned" with the government's policy on the national question, the issues of religious policy and particularly in the "Jewish question".

The author identifies three periods which in varying degree show the government's attitude to the institution of the rabbinate, as well as the changes that have occurred in the social and legal status of rabbi. Detailed analysis of the legal framework allows allocating of two requirements vectors formed by the government. The first one is the idea of education, which forms the main demand of the tsarist government to the rabbi - educational qualification. The second one regulates the activity of a rabbi as a controlled person associated with the public authorities.

The author also makes an analysis of the representatives of the orthodox camp activity, defines its role in trying to "reanimate" the social status of the rabbi.

Key words: government policy; the orthodox camp; yeshivas; headers; Rabbi; Zionism.

REFERENCES

1. Bartal, I. (2007), *The Jews of Eastern Europe (1772-1881)*, Gesharim Publishing House, Jerusalem, p. 123 (rus). doi: 10.9783/9780812200812
2. *Polozhenie o evreyakh 1804*, available at: <http://www.ukrstat.gov.ua/>.http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/_UstrEvrei.php
3. Dolbilov, M.D. (2010), *Russkij kraj, chuzhaya vera: Etnokonfessional'naya politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II*, Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, 140 p. (rus).
4. Lukyanov, S.A. (2009), *Ro' Departamenta Dukhovnykh del Inostrannykh Ispovedanij MVD Rossijskoj Imperii v realizatsii gosudarstvennoj veroispovednoj politiki (1832-1917)*, Sputnik, Moscow, 77 p. (rus).
5. Miller, A. (2006), *Imperiya Romanovykh i natsionalizm*, Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, p. 77.
6. Mindlin, A. *Imperator Aleksandr II i evrejskij vopros*, available at: <http://amindlin.narod.ru/alexli.htm>
7. Morozova, A.V. (209), *The Jewish population of Livoberezhna Ukraine in the second half of XIX - early XX century*, Kyiv, 276 p. (ukr).
8. Nathans, B. (2002), *Beyond the Pale: the Jewish Encounter with Late Imperial Russia*, ROOPEN, Moscow, p. 154 (rus).
9. *Ob ustrojstve mestnogo upravleniya delami very evreev* (1863), Departament Dukhovnykh Del, St. Petersburg, 12 p. (rus).
10. Levanda, V.O. (1874), *Polnyj khronologicheskij sbornik zakonov i polozhenij, kasayushhikhsya evreev (1649-1873)*, S.-Peterburg, 1185 p. (rus).
11. *The Russian State Historical Archive*, fond 821, opys 8, delo №107 (rus).
12. *The Russian State Historical Archive*, fond 821, opys 9, delo № 22/131 (rus).
13. *The Russian State Historical Archive*, fond 1269, opys 1, delo № 136 (rus).
14. *The Russian State Historical Archive*, fond 1269, opys 1, delo №43 (rus).
15. Trudy gubernskikh komissij po evrejskomu voprosu (1884), 1, S.-Peterburg, pp. 127-128 (rus).
16. Shah Ran Friz (2012), *The Jewish family in Russia*, in: I. Lurie (Eds.), *History of the Jews in Russia. From the Partitions of Poland to the Fall of the Russian Empire (1772-1917)*, 2, The Bridges of Culture, Moscow, pp. 243-244 (rus).
17. Stampfer, S. (2014), *Families, Rabbis and Education Traditional Jewish Society in Nineteenth Century Eastern Europe*, The Bridges of Culture, Moscow, 142 p. (rus).
18. Lurie, I. [ed.] (2012), *The history of the Jewish people in Russia. From partitions of Poland until the fall of the Russian Empire*, Volume 2, Mosty Kultury - Gesharim, Moscow, 534 p. (rus).
19. Levin, V. (2016), *From Revolution to War: Jewish Politics in Russia, 1907-1914*, Zalman Shazar Center for Jewish History, Jerusalem, 478 p. (hebr).

© Москаленко Лариса

Надійшла до редакції 22.07.2016